

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

В 1680 г. в Новгородском уезде жил дворянин Фрол Скобеев, в том же Новгородском уезде находились вотчины стольника Нардина-Нащокина; и в тех вотчинах проживала дочь его Аннушка.

Проведал Фрол Скобеев о стольничьей дочери и вознамерился завести с ней любовь. Только не знает, через кого можно устроить так, чтобы свидеться с ней. Тогда решил он познакомиться с управляющим той вотчиной и стал часто ездить к нему в дом. И как-то раз случилось ему сидеть у того управляющего в гостях, когда туда же пришла воспитательница дочери стольника.

Скобеев узнал, что воспитательница эта живёт всегда при Аннушке, и, как пошла та от управляющего к госпоже своей, то он, выйдя вслед за нею, одарил её двумя рублями. Воспитательница говорит ему:

— Господин Скобеев, не по заслугам моим такую милость оказывать изволите, моей услуги к вам никакой нет!

Но Скобеев отдал ей деньги, ничего не сказав, и пошёл прочь. А та пришла к госпоже своей Аннушке — и тоже ничего не сказала. Скобеев ещё посидел у управляющего и пошёл домой.

* * *

В пору святочных увеселительных вечеров, когда девушки собираются, чтобы развлекаться, дочь стольника Нардина-Нащокина Аннушка приказала своей воспитательнице поехать ко всем дворянам, проживающим поблизости от их вотчины и у которых есть дочери-девицы, и просить их заехать к ней на святочную вечеринку. Та поехала и пригласила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и все обещали быть.

Воспитательница знала, что у Скобеева есть сестра в девушках. Поехала она к нему и стала приглашать его сестру к Аннушке на вечеринку. Сестра сказала:

— Подожди, пожалуйста, немного; я схожу к брату моему, доложу. Если он согласится, то я тебе скажу, — пошла к Фролу и объявила: — Приехала мамка дочери стольника и просит меня, чтобы я была у них на вечеринке.

Скобеев сказал сестре:

— Поди, скажи ей, что ты будешь не одна, а с дочерью одного дворянина.

Сестра задумалась над тем, что брат ей сказал, но послушаться не решилась и объявила воспитательнице, что она прибудет к госпоже её в назначенный вечер с одной дворянской дочерью. И воспитательница поехала в дом госпожи своей.

* * *

Скобеев говорит сестре:

— Ну, сестра, пора тебе собираться ехать в гости.

Сестра стала надевать девичий убор, а Скобеев говорит:

— Принеси, сестра, и мне такой же! Снаряжусь я, и поедем с тобой вместе к Аннушке, стольничьей дочери.

И сестра его стала тут сильно опасаться: «Если опознают его, то будет, конечно, брат в великой беде — а ведь тот стольник Нащокин очень близок царю!» Однако же воли брата своего не ослушалась, принесла ему девичий убор, и Фрол Скобеев, нарядившись в девичье платье, поехал с сестрой к Аннушке. Когда приехали, там уже собралось много дворянских дочерей, Скобеев тут же, и никто его не смог опознать. Потом Скобеев вышел по нужде и оказался один, а воспитательница стояла в прихожей со свечою. Фрол, как вышел в прихожую, стал говорить ей:

— Ах, мой свет-мамушка, много нашей сестры здесь, и ты многим прислуживаешь, а никто ведь тебя не одарит!

Воспитательница не может никак признать в нём Скобеева. Тот вынул пять рублей и подарил ей. Та с большой неохотой взяла. Скобеев видит, что воспитательница его никак признать не может, упал на колени перед ней и объявил, что он дворянин Фрол Скобеев и что он приехал в девичьем наряде ради Аннушки, потому что ему надо во что бы то ни стало завести с ней любовь! Та, как увидела, что он действительно Фрол Скобеев, сильно растерялась и не знает, что с ним делать. Однако вспомнила два его подарка и сказала:

— Хорошо, господин Скобеев, за вашу ко мне благосклонность готова оказать вам всяческую помощь, — и пошла в залу, где были девушки, никому не сказав ничего.

Потом она сказала госпоже своей:

— Хватит, девицы, играть! Я покажу вам другую игру, как мы в молодости играли.

Аннушка не ослушалась её воли и сказала:

— Ну, матушка-мамушка, твоя воля на все наши игры.

Тогда воспитательница объявила им игру:

— Изволь, матушка Аннушка. Ты будь невестой, — и показала на Скобеева, — а эта девица женихом, — и повела их в отдельную комнату почивать, как водится на свадьбе. Девицы пошли их провожать до покоев, потом обратно вернулись в залу, где и продолжили свои игры. Воспитательница велела всем громкие песни петь, чтобы девицам ничего слышно не было. А сестра Скобеева сидела в сильной печали и видела, что, конечно, быть беде. Скобеев остался с Аннушкой и объявил, что он Фрол Скобеев, дворянин новгородский, а не девушка. Аннушка не знала, что и отвечать, и находилась в сильном страхе. А Фрол наш, несмотря на опасность, вёл себя очень отважно и овладел ей. Потом Аннушка стала просить Скобеева, чтобы он не опозорил её перед другими.

Воспитательница и девицы пришли в покои, где они находились, а Аннушка сильно в лице переменялась от того, чего ещё отроду не видела. Из девиц ни одна не может опознать Скобеева, ни Аннушка никому не сказала, только взяла воспитательницу за руку, отвела в отдельную комнату и стала ей выговаривать:

— Что же та, проклятая, надо мною сделала — это ведь не девица со мной была, это мужчина из нашего города Фрол Скобеев!

— Воистину, — оправдывается та, — милостивая государыня, никак не могла признать его и думала, что он тоже девица, а если уж он такую пакость учинил, то у нас людей много, можем его вовсе убрать в тайное место.

Но Аннушка пожалела Скобеева (он сразу же возбудил в её сердце жалость, когда был с ней там) и сказала:

— Ну, мамушка, так уж и быть, и того мне не возвратить!

Девицы пошли в залу, а с ними и Скобеев в девичьем платье. Веселились всю ночь. Потом девицы пошли почивать, и Аннушка удалилась со Скобеевым, сказав при этом:

— Лучше её не найду для сна себе в подруги, — и всю ночь забавлялись телесной игрой.

Такая уже жалость овладела Аннушкой, что с большой неохотой встала от Фрола. Наутро, встав, девицы поблагодарили Аннушку за угощение и поехали по своим домам. И Скобеевы собрались ехать, но Аннушка всех девиц отпустила, а их оставила. И пребывал Скобеев у Аннушки три дня (все в девичьем наряде — чтобы слуги в доме не узнали его), веселился с ней и по прошествии трёх дней поехал с сестрой к себе домой.

Аннушка подарила Скобееву несколько червонцев, и с того времени голодранец Скобеев разжился, стал жить роскошно и устраивать банкеты для своей братии-дворян.

* * *

Потом написал из Москвы Аннушке её отец, стольник Нардин-Нащокин, чтобы она немедленно выезжала в Москву: сватаются к ней выгодные женихи, дети стольников. И Аннушка, хотя и с огромной неохотой, но поехала в Москву, не желая слушаться отца. Скобеев узнал, что Аннушка в Москву уехала, и задумался: не знал, что делать — дворянин он небогатый и зарабатывал только тем, что в Москве судебные дела вёл. Наконец он решился имеющиеся у него имения заложить и поехать в Москву, чтобы Аннушку получить в жёны. Так и сделал. Стал Скобеев собираться в Москву, а сестра его очень беспокоилась, не случится ли какая неприятность. Скобеев стал прощаться и сказал:

— Ну, матушка-сестрица, не тужи, пожалуйста ни о чем: пусть и жизни лишусь и конец свой там приму, а от Аннушки не отстану — или буду полковник, или покойник! А ежели выйдет по намерению моему, то и тебя не оставляю, а если выйдет несчастье, то прошу не оставить меня без поминания.

Так простился и поехал в Москву.

* * *

По приезде в Москву он остановился на квартире недалеко от дома Нардина-Нащокина. На другой день пошёл Скобеев к обедне и увидел в церкви Аннушкину воспитательницу, и как литургия кончилась, вышел из церкви и стал её ждать. Та вышла, а Скобеев к ней подошёл, отдал ей поклон и стал просить, чтобы она объявила о нём Аннушке. Воспитательница обещала ему всевозможно услуживать. Пришла домой и объявила Аннушке о приезде Скобеева. И Аннушка очень обрадовалась и стала просить свою воспитательницу, чтобы она на завтра пошла к обедне, взяв денег 20 рублей, и отдала бы их Скобееву. Воспитательница так и сделала.

* * *

У этого стольника Нардина-Нащокина имелась сестра, постриженная в женском монастыре. И вот как-то он поехал к ней в монастырь отдохнуть. Сестра, как он приехал, встретила его с подобающей ему честью, и стольник гостил у ней немалое время. Во время разговора сестра вдруг попросила:

— Покорно тебя, государь мой братец, прошу: отпусти, пожалуйста, свою Аннушку свидеться со мною — уж много лет, как не видела её.

Стольник обещал отпустить её.

— Не надеюсь, государь-братец, что ты это сделаешь, а не забудешь. Только покорно прошу: изволь приказать в своем доме, когда я пришлю за ней карету, отпустить её ко мне — даже если тебя дома не будет.

Брат пообещал и эту её просьбу удовлетворить.

* * *

И вот как-то раз случилось Нардину-Нащокину поехать в гости вместе с женой. Он наказывает дочери:

— Слушай, друг мой Аннушка, ежели прийдёт за тобой из монастыря моя сестра, а твоя тётка карету, то ты поезжай к ней не мешкая! — а сам с женой поехал в гости.

И Аннушка тут стала просить воспитательницу, как только представится момент, пойти к Скобееву, чтобы он где-нибудь достал карету и приехал бы к ней сам, сказав, будто он от сестры Нардина-Нащокина из монастыря. Воспитательница пошла к Скобееву и передала ему приказ своей госпожи. Как услышал это Скобеев, не знает, что и делать и как кого обмануть, потому что все знатные дворяне знают, что он дворянин небогатый и только сутяжничать мастер. И тут ему вспомнилось, что благоволит к нему стольник Ловчиков. Пошёл к тому.

Пришёл он к Ловчикову и долго с ним говорил. Потом Скобеев стал просить Ловчикова, чтобы одолжил ему карету и лошадей — невесту ехать смотреть. Ловчиков дал. Скобеев поехал, приехал к себе на квартиру и напоил кучера допьяна, а сам оделся в лакейское платье, сел на козлы и поехал к Нардину-Нащокину за Аннушкой.

Увидела воспитательница, что приехал Скобеев под чужим видом, и сказала Аннушке: за ней из монастыря тётка служителя прислала. Аннушка оделась, села в карету и поехала на квартиру Скобеева.

Тут кучер Ловчикова пробудился. Увидел Фрол, что кучер не так уж сильно пьян, и напоил его совсем допьяна, положил в карету, а сам сел на козлы и поехал к Ловчикову. Приехал на двор, отворил ворота, пустил карету с кучером на двор, а сам пошёл к себе. Вышли во двор слуги Ловчикова и видят, что стоят лошади и карета, кучер лежит в карете жестоко пьяный и спит, а кто его привёл на двор — никто не видел. И Ловчиков велел карету убрать, а лошадей загнать, сказав при этом:

— Ещё и то хорошо, что всё не уходил. Со Скобеева и взять-то нечего!

Наутро стал Ловчиков кучера спрашивать, где он был со Скобеевым, а тот говорит:

— Только помню, как был на квартире, а куда он ездил и что делал, того не знаю.

* * *

В своё время Нардин-Нащокин приехал из гостей и спросил Аннушку. Воспитательница сказала:

— По приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, поскольку узнала карету и лошадей.

Нардин-Нащокин сказал:

— Изрядно!

И стольник долгое время не бывал у сестры своей и думал, что Аннушка в монастыре. А Фрол Скобеев уже на ней и женился! Потом как-то Нардин-Нащокин поехал к сестре в монастырь и просидел там порядком, а дочери своей не увидел. И спросил сестру:

— Сестра, а что это я не вижу Аннушку?

Сестра отвечала:

— Полно, братец, издеваться! Что ж из того, что я к несчастью тебя попросила? Ты мне не веришь, а у меня и времени нет, чтобы послать за ней!

И Нардин-Нащокин тогда сказал:

— Как, государыня-сестрица, что ты изволишь говорить!? Я не могу понять: она была отпущена к тебе вот уж с месяц, ты присылала за ней карету, а я в то время был с женой в гостях, и её отпустили по моему повелению...

— Нет, братец, — отвечает сестра, — я кареты не присылала, и Аннушки у меня не было...

Тогда Нардин-Нащокин стал сожалеть о дочери своей, которая пропала безвестно, заплакал и, приехав домой, объявил жене, что Аннушка пропала и что у сестры её нет. Стал спрашивать воспитательницу:

— Кто за ней приезжал и куда она поехала?

Воспитательница сказала, что приехал кучер и сказал: «Из женского монастыря от сестры вашей приехал за Аннушкой», — и по приказу хозяйскому Аннушка и поехала. О том все стали печалиться и плакать, а наутро стольник поехал к государю и объявил, что у него без вести пропала дочь. И государь повелел сделать публикацию о его дочери: если кто держит её тайно, то пусть объявится, а если не объявится, но сыщется, то будет казнён смертью.

* * *

Фрол Скобеев услышал об этой публикации и не знал, что и делать. Задумал он тогда пойти к стольнику Ловчикову, помня, как тот благоволил к нему. Придя к Ловчикову, Скобеев стал вести обширный разговор, и Ловчиков спросил его, женился ли он и богатую ли взял? Скобеев на то ответил:

— Богатства пока ещё не вижу, а время покажет.

— Ну, господин Скобеев, живи теперь прилично, сутяжничать брось. Лучше сиди в вотчине своей.

Потом Скобеев стал просить стольника, чтобы тот походатайствовал о нём. Ловчиков ему сказал:

— Если возможно — буду ходатайствовать, а если невозможно — то уж не гневайся.

И Фрол ему заявил:

— Стольника Нардина-Нащокина дочь, Аннушка, у меня находится, а недавно я на ней женился!

Ловчиков сказал:

— Как сделал, так и отвечай.

— А если ты защищать меня не будешь, — сказал Скобеев, — то и про тебя скажу словечко. Мне бы пришлось рассказать, что ты лошадей и карету давал, а если бы ты не дал, я бы ничего и не сделал!

— Ах ты мошенник, — растерялся Ловчиков, — что же ты со мной сделал?.. Хорошо... как смогу... буду отстаивать тебя, — и велел ему на завтра прийти в Успенский собор, где и Нардин-Нащокин будет. — После обедни мы все будем стоять на Ивановской площади. А ты в это время приди, пади перед ним и объяви о его дочери, а я уж, как смогу, буду просить за тебя.

* * *

Скобеев пришёл в Успенский собор к обедне. Там Нардин-Нащокин, Ловчиков и другие стольники — все у обедни. А после обедни тогда все имели обычай собираться на Ивановской площади напротив Ивана Великого и вести беседы промеж собой. Скобеев и направился на эти разговоры, отдал всем стольникам поклон, как того обычай требует (а все стольники Скобеева знали), и пал перед Нардиным-Нащокиным, прося прощения:

— Милостивый государь и государев стольник! Молю, отпустите мне, будь я раб ваш, вину мою, которую дерзновенно содеял перед вами!

А Нардин-Нащокин был летами уже стар, зрением ослаб, хотя и мог усмотреть, что перед ним человек. В то время старые люди имели обычай носить в руках трости с крючками наверху. И вот Нардин-Нащокин поднимает своим крючком Скобеева.

— Кто ты такой? Скажи мне о себе и что тебе за нужда до меня?

А Скобеев только повторяет:

— Отпустите вину мою!

Ловчиков подошёл к Нардину-Нащокину и сказал:

— Лежит перед вами и просит отпущения вины своей дворянин Фрол Скобеев.

И Нардин-Нащокин вскричал:

— Встань, плут! Знаю тебя давно, бездельника. Наконец-то сам на себя наклеузничал! Что ж, говори, можно будет — помогу, невозможно — как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: «Живи прилично!» Встань, говори, что за вина у тебя?

Тут Скобеев встал от ног его и объявил, что дочь его Аннушка у него и что он на ней женился. Как услышал Нардин-Нащокин о дочери своей, так и залился слезами и впал в беспамятство. И чуть опомнившись, сказал:

— Что же ты, мерзавец, сделал?! Да понимаешь ли ты, кто ты есть? Не будет тебе отпущения вины! Тебе ли владеть дочерью моею?! Пойду к государю к пожалуюсь на тебя!

Тут вторично подошёл к нему Ловчиков и стал его уговаривать, чтобы не подавал так скоро жалобы государю.

— Съездите лучше домой и расскажите обо всем супружнице вашей. И по совету общему и поступите. Так уж и быть — того не возвратить, а Скобеев этот... от гнева вашего никуда скрыться не сможет.

И Нардин-Нащокин послушал его совета, к государю не пошёл, а сел в карету и поехал домой. А Скобеев пришёл на свою квартиру и сказал Аннушке:

— Ну, Аннушка, что будет нам с тобою теперь — не знаю: объявил о тебе отцу твоему.

* * *

Нардин-Нащокин приехал домой, пошёл в свои покои, плачет и кричит:

— Жена! Знаешь — я Аннушку нашёл!

— Где же она, батюшка? — спрашивает жена.

— Ох, мой друг, вор, плут и клеузник Фрол Скобеев женился на ней!

И жена, услышав это, не знает, что и говорить. Стали они оба горько плакать, жалеть свою дочь и бранить её тут же и не знают, что теперь делать с ней.

Потом опаматовались и, сожалея о дочери, стали рассуждать: «Надо будет послать человека и сыскать, где он, мерзавец, живёт и узнать о дочери нашей, жива ли она». Позвали слугу и сказали ему:

— Поезжай и сыщи квартиру Фрола Скобеева. Узнай про Аннушку: Жива ли она и имеет ли какие средства.

* * *

Пошёл слуга по Москве искать квартиру Фрола Скобеева. После продолжительных поисков нашёл и пришёл на двор. Увидел Скобеев, что идёт человек от тестя и велел жене своей лечь на постель и притвориться больной. Аннушка и сделала так, как муж хотел. Слуга вошёл в комнату и отдал поклон, как водится. Скобеев спросил:

— Что ты за человек, и какое у тебя до меня дело?

Тот отвечал, что он прислан от стольника Нардина-Нащокина узнать, жива ли дочь его.

— Смотри, мой друг, — говорит Скобеев, — в каком она здравии: таков вот родительский гнев — они её за глаза бранят и клянут, оттого она и при смерти лежит. Донеси их милости, чтобы они её при жизни еще хотя бы заочно благословили.

Человек тот отдал поклон и ушёл. Пришел к господину своему и доложил:

— Нашёл квартиру Фрола Скобеева, только Аннушка очень больна и просит от вас хотя бы заочного благословения.

Родители стали о дочери своей безмерно печалиться и думать: «Что с вором и плутом делать!» — но дочь всё-таки больше жалели. Мать стала говорить:

— Ну, мой друг, уж быть тому, чтобы владел плут дочерью нашей. Уж так Бог велел — надо будет послать к ним образ и благословить их хотя бы заочно. А как сердца наши успокоятся, тогда сможем с ними и сами видаться.

Сняли, со стены образ, обложенный золотом и драгоценными камнями (весь оклад стоил 500 рублей) и послали с тем же слугой, чтобы они на этот образ молились;

— А вору Фролке скажи, чтобы он его не промотал!

* * *

И слуга их, переодевшись, пошёл на квартиру Фрола Скобеева. Увидел Скобеев, что пришел тот же самый человек, и сказал жене:

— Встань, Аннушка! — и сели оба рядом.

Слуга вошёл в комнату, отдал образ Скобееву и сказал:

— Родители ваши, Богом данные, прислали к вам благословение.

Скобеев приложился к образу, Аннушка тоже, и поставили его, куда надлежит.

— Вот, — сказал Скобеев слуге, — таково родительское благословение: заочно даже не оставили нас, а Бог дал Аннушке здоровье — ныне, слава Богу, здорова. Благодарите их милость, что не оставили заблудшую дочь свою.

Слуга пришёл к своему господину и доложил, что образ отдал, что Аннушка здорова, что они благодарили — и пошёл, куда ему велели. Стольник же поехал к государю и заявил:

— Дочь свою я нашёл у новгородского дворянина Фрола Скобеева, который уже на ней женился, и прошу Вашей Государевой Милости, чтобы сему Скобееву вину в том отпустить, — и рассказал ему всё подробно. На это государь ему сказал:

— На это твоя воля, как делаешь. И советую тебе — того уж не возвратить, и он твоим вознаграждением, а моей милостью оставлен не будет, и на старости лет возымеешь утеху.

Нардин-Нащокин поклонился государю и доехал домой. Там стали дальше горевать о дочери своей. Стольник говорит жене:

— Как же, друг мой, быть? Конечно, ведь плут заморит Аннушку — чем ему, вору, кормить ее? И сам, поди, как собака, голоден. Надо, друг мой, послать им какого-никакого запаса, ну хот о шести лошадях.

— Конечно, надобно, дружок, послать! — сказала жена, и послали запас, приложив к нему реестр.

* * *

Когда запас пришел, Скобеев, в реестр не глядя, приказал всё положить в нужные места, а возниким приказал господ за родительские милости благодарить.

Стал Скобеев жить роскошно и разъезжать по знатным особам. Удивлялись многие, что он себе такую жизнь устроил и так смело.

* * *

Через немалое время Нардины-Нащокины пожалели дочь и смягчились. Послали к детям просить их к себе откусать.

...Как только пришел человек и попросил:

— Приказал батюшка ваш вас к обеду пригласить на сей день, — Скобеев сказал:

— Донеси нашему батюшке, что будем до их здоровья без промедления!

Скобеевы оделись и поехали в дом родителей. Приехали и вошли в покои. Аннушка пала в ноги родителям своим. Стольник с женой, увидев её покаяние, стали её бранить и плакать тут же, что она такое сделала без воли родительской, и проклиная жизнь её. И достаточно нагнававшись, отпустили вину ее и велели садиться за стол с собою. И Скобееву сказали:

— А ты, плут, что стоишь?.. Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть дочерью нашей!..

А Фрол сказал тестю:

— Государь-батюшка, уж так Бог судил! — и сели все кушать.

Нардин-Нащокин тогда приказал слугам, чтобы никого посторонних в дом не пускали — говорили, что «стольник занят: с зятем своим, вором Фролом Скобеевым, кушать изволит!»

После трапезы стольник спрашивает зятя:

— Ну, плут, чем станешь жить?

И Скобеев отвечает:

— Милостивый государь-батюшка! Изволишь сам знать, на что мне жить — другого не могу пропитания найти, кроме как по судебным делам...

— Перестань, — говорит стольник, — перестань, плут, по судам таскаться — есть у меня имение в Симбирском уезде из трёхсот дворов, да в Новгородском уезде из двухсот дворов. Справь их за собой и живи, как люди.

Скобеевы отдали поклон, поблагодарили родителей и, посидев немного, поехали на свою квартиру. А тесть, стольник Нардин-Нащокин, повелел Скобеева воротить. И стал говорить ему:

— Ну, плут, есть ли у тебя деньги? Чем же ты деревни справишь?

Фрол сказал:

— Известно тебе, батюшка-государь, какие у меня деньги...

И стольник приказал дворецкому дать ему пятьсот рублей. Скобеев простился и поехал со своей женой к себе.

* * *

Потом справил Фрол деревни за собою и стал жить роскошно. К тестю своему ездил беспрестанно, и принимали его всегда с честью. А по судам ходить бросил. И, прожив некоторое время, стольник Нардин-Нащокин в глубокой старости в вечную жизнь переселился, а Скобеева сделал наследником всего своего движимого и недвижимого имущества. Через некоторое время и тёща его преставилась. И так Фрол Скобеев, прожив жизнь свою во славе и богатстве, наследников оставил и умер.